И 292/652

1
4—16
8

Шварцъ

БАРОНЪ

ВРАНГЕЛЬ

1849

292
652

Баронъ

ФЕРДИНАНДЪ ПЕТРОВИЧЪ

ВРАНГЕЛЬ.

1796—1870.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

К. Н. Шварца.

Изъ журнала „Русская Старина“, т. V, изд. 1872 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, № 15.
1872.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
77882-44

БАРОНЪ ФЕРДИНАНДЪ ПЕТРОВИЧЪ ВРАНГЕЛЬ.

Посвящается дѣтямъ и брату покойнаго.

25-го мая 1870 года въ Дерптѣ, на 74 году жизни, скончался членъ государственнаго совѣта генералъ-адъютантъ адмиралъ баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель.

Покойникъ слишкомъ полвѣка состоялъ на государственной службѣ и занималъ высокія мѣста въ правительственной іерархіи, былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, между прочимъ почетнымъ членомъ петербургской и французской академій наукъ, харьковскаго университета, нашего географическаго общества и друг., подвизался на трудномъ поприщѣ полярныхъ открытій и сошелъ въ могилу, оставивъ по себѣ славную память.

Заслуги Фердинанда Петровича не нуждаются въ новомъ письменномъ памятникѣ, пока будетъ существовать печатное слово и всемірный переворотъ не сотретъ съ лица земли заливъ на восточномъ берегу Аляски, мысъ на Алеутскихъ островахъ, островъ въ Крестовомъ заливѣ, гору въ бывшихъ нашихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, наконецъ землю въ Ледовитомъ океанѣ, носящія имя покойника, до тѣхъ поръ имя барона Врангеля не забудется и въ далекомъ потомствѣ.

Пользовавшись расположеніемъ и довѣренностію Фердинанда Петровича, состоя съ нимъ въ постоянной перепискѣ, можно сказать до послѣднихъ дней его жизни, прослушавъ много эпизодовъ изъ поучительной и полной увлекательнаго интереса жизни этого старика съ богатымъ запасомъ опыта, знаній и свѣдѣній, я считаю священнымъ своимъ долгомъ представить на страницахъ «Русской Старины» хотя бѣглый біографическій очеркъ замѣчательной жизни славнаго русскаго морехода и ученаго.

Бароны Врангели принадлежатъ къ весьма древнему и особенно уважаемому лифляндскому роду, члены котораго прославились воинскими доблестями и гражданскими добродѣтелями въ Швеціи, Пруссіи и Россіи. Въ битвѣ подъ Полтавою пало 22 Врангеля: прусскій фельдмаршалъ баронъ Врангель, въ прусско-австрійскую войну въ 1866 году, будучи 80-ти-лѣтнимъ старцемъ, и не взирая на свое высокое положеніе, сталъ въ ряды арміи простымъ воиномъ. Въ нашей арміи фамилія Врангель весьма популярна.

Дѣдъ Фердинанда Петровича былъ камергеромъ при императорѣ Петрѣ III, обладалъ значительнымъ состояніемъ, но вслѣдствіе государственнаго переворота принужденъ былъ эмигрировать, а имѣніе его было конфисковано. Такимъ образомъ отецъ Фердинанда Петровича имѣлъ весьма скудныя средства для содержанія своего семейства и принужденъ былъ отдать сыновей своихъ на воспитаніе къ родственникамъ. Вскорѣ затѣмъ умерли родители Фердинанда Петровича и попеченіемъ родныхъ онъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ. Трудно было избрать болѣе соотвѣтствующее характеру мальчика заведеніе и казалось само Провидѣніе указало тотъ путь, по которому должно было его направить. Предпріимчивость и страсть къ опаснымъ странствованіямъ безотчетно зародилась у Фердинанда Петровича еще въ первые годы его дѣтства, и уже 6-тилѣтнимъ мальчикомъ старался онъ воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы, не взирая на непогоду, уйти изъ дому въ лѣсъ, импровизируя пѣсни, съ постоянно однимъ и тѣмъ же слышаннымъ имъ припѣвомъ: «туда, туда, въ даль, съ лукомъ и стрѣлою!»

Отправляясь въ корпусъ Фердинандъ Петровичъ писалъ къ своимъ сверстникамъ-роднымъ: «карьера моя устроена, — я отправляюсь въ морской корпусъ». Влеченіе собственно къ морской службѣ было отчасти возбуждено разсказами моряка, вернувшагося изъ перваго кругосвѣтнаго путешествія Крузенштерна; разсказы эти оставили неизгладимые слѣды въ воображеніи впечатлительнаго мальчика. По вступленіи въ корпусъ постоянною и завѣтною думою кадета Врангеля были дальнія странствованія и опасныя предпріятія; съ этою цѣлью старался онъ себя закалить разными лишеніями, напр. зимою при 25° мороза, вскакивалъ съ постели и въ одной рубашкѣ, босикомъ, бѣгалъ въ неото-

пленномъ корридорѣ; выходилъ изъ бани и катался въ снѣгу; по цѣлымъ днямъ питался скудною пищею, и т. п.

Казалось бы, что 11-ти-лѣтній мальчикъ, ни слова не говорившій по-русски, въ суровыя времена начала настоящаго столѣтія, чуждый привычекъ и обычаевъ своихъ русскихъ товарищей-сверстниковъ, пройдетъ трудную школу, пока достигнетъ кадетской самостоятельности; но правдивый во всемъ, Фердинандъ Петровичъ и въ этомъ случаѣ отдаетъ полную справедливость доброму русскому сердцу и русской терпимости и до послѣдней минуты твердилъ онъ, что фанатизмъ и національная ненависть не сродны русскому характеру. Въ корпусѣ онъ выносилъ только тѣ преслѣдованія, которымъ, въ былыя времена, подвергались всѣ новички, независимо отъ ихъ происхожденія; со стороны же начальствующихъ кадетъ Врангель испытывалъ полное безпристрастіе, и Фердинандъ Петровичъ съ особеннымъ уваженіемъ и благодарностію вспоминалъ своихъ воспитателей, которые были всѣ русскіе, а именно: Купреяновъ, Харламовъ, князь Шихматовъ, Гарковенко, Давыдовъ и друг. Это и было причиною, что еще въ корпусѣ освоился Фердинандъ Петровичъ съ русскими обычаями, полюбилъ русскихъ, изучилъ русскій языкъ въ ущербъ нѣмецкому, такъ что впослѣдствіи описаніе своихъ полярныхъ открытій написалъ по-русски, предоставивъ другимъ перевести его на нѣмецкій языкъ. Вообще, относительно самого себя, Фердинандъ Петровичъ вынесъ изъ корпуса хорошія воспоминанія, но въ этомъ случаѣ онъ находился въ исключительныхъ условіяхъ: добрыя сѣмена чистой нравственности, брошенныя домашнимъ воспитаніемъ, и замѣчательныя способности рѣзко выдѣляли его изъ среды сверстниковъ; онъ никогда не подвергался въ корпусѣ, даже въ то время, тѣлеснымъ наказаніямъ и отъ вступленія въ корпусъ до производства въ офицеры былъ первымъ въ классѣ. Гнушаясь лжи, Фердинандъ Петровичъ съ юныхъ лѣтъ возмущался клятвами, произносимыми кадетами при увѣреніяхъ и оправданіяхъ, весьма часто въ ущербъ истинѣ; это побудило его составить въ корпусѣ товарищество, девизомъ котораго было: «честное слово вмѣсто клятвъ и божбы». Переживъ своего товарища по корпусу и путешествіямъ въ полярныхъ странахъ, адмирала Анжу, Фердинандъ Петровичъ написалъ біографическую замѣтку, помѣщенную въ «Морскомъ Сборникѣ»; въ

замѣткѣ этой, воздавъ должную дань высокимъ и благороднымъ чувствамъ своего товарища-друга, баронъ Врангель весьма рельефно изобразилъ тогдашнюю корпусную жизнь и жестокій характеръ воспитанія. Недостатки этого воспитанія оставили въ душѣ его глубокіе слѣды и побудили впослѣдствіи приняться за всестороннее и педагогическое изученіе различныхъ системъ воспитанія. Чуждый самолюбивыхъ выходокъ, Фердинандъ Петровичъ, однакоже, неоднократно съ чувствомъ удовольствія говорилъ, что если въ воспитаніи нашего юношества въ новѣйшіе годы и послѣдовала перемѣна къ лучшему, то нѣкоторая доля заслуги принадлежитъ и ему, ибо починъ этого существенно важнаго вопроса поднятъ при его содѣйствіи въ «Морскомъ Сборникѣ».

Въ іюнѣ 1815 года, на 19 году жизни, гардемаринъ баронъ Врангель былъ произведенъ въ мичманы и назначенъ въ 19-й экипажъ, расположенный въ Ревелѣ. Четыре товарища по выпуску: Врангель, Анжу, другой Врангель (родственникъ Ф. П.) и Можайскій поселились на общей квартирѣ, въ форштадтѣ Ревеля. Старый матросъ готовилъ имъ ежедневно щи и кашу къ обѣду и ужину; скудныя средства не дозволяли ничего болѣе и чай подавался только когда бывали гости. Вообще заря будущности мичмана Врангеля взошла не на свѣтломъ небосклонѣ; всегда первый въ классѣ, первый по выпуску, онъ постоянно былъ отличаемъ воспитателями и уважаемъ товарищами, вслѣдствіе этого кадетъ сталъ тщеславенъ и съ этимъ кадетскимъ тщеславіемъ началъ молодой мичманъ свою самостоятельную жизнь съ увѣренностію, что и въ обществѣ встрѣтитъ онъ то вниманіе и почетъ, которымъ былъ избалованъ въ кадетской курткѣ. Но прежде умственныхъ способностей свѣтъ цѣнитъ въ молодомъ офицерѣ его наружныя достоинства, а въ этомъ-то природа и отказала Фердинанду Петровичу: онъ былъ малаго роста; если къ этому прибавить несообщительный характеръ юноши, воспитывавшагося въ замкнутомъ заведеніи, то понятно, почему въ первые мѣсяцы своей службы сталъ онъ истиннымъ камеръ-гаузеромъ. Въ обществѣ дамъ, гдѣ всѣхъ предпочитали ему, былъ онъ совершенный нелюдимъ и вскорѣ совсѣмъ отказался отъ него, посѣщая только своихъ близкихъ родныхъ.

Но благородное самолюбіе, сознаніе въ себѣ силы, безотчет-

ная увѣренность, что въ душѣ тлѣетъ искра того священнаго огня, который творитъ полезныхъ дѣятелей, не дали заснуть надеждамъ молодого мичмана и указали ему, хотя трудное, но вполнѣ прочное поприще жизни; поприще это—служба и наука. Обстоятельства какъ нельзя болѣе способствовали твердой рѣшимости мичмана Врангеля: онъ былъ назначенъ съ командою матросовъ въ деревню. Съ силою воли мужа и еще свѣжими умственными способностями принялся молодой человѣкъ за самообразованіе; сознаніе скудости своихъ свѣдѣній и твердая рѣшимость обогатиться ими несомнѣнно должны были увѣнчаться успѣшными результатами.

Математика, языки и черченіе стали ежедневными предметами занятій мичмана Врангеля, а чтеніе путешествій, которому онъ предался съ увлеченіемъ,—его развлеченіемъ. Въ этомъ уединеніи и при такихъ занятіяхъ образовалась жажда предпріимчивости, зародилась страсть къ опаснымъ путешествіямъ въ далекія моря и неизвѣданныя еще страны, выработался тотъ твердый характеръ, который упорно идетъ по пути преградъ и опасностей въ виду достиженія опредѣленной цѣли или научныхъ результатовъ.

Съ такою же непреклонною волею вырабатывалъ мичманъ Врангель и свою физическую природу, и крѣпкій духъ свой заковалъ въ могучій организмъ. Въ сосѣдней деревнѣ квартировалъ съ командою товарищъ Фердинанда Петровича — мичманъ Анжу; въ морозъ и непогоду, часто во время вьюги, въ легкой одеждѣ, чуть не каждый день навѣщали они другъ друга, и такимъ образомъ, какъ бы предчувствуя, подготовляли себя къ тѣмъ невзгодамъ, которыя должны были выпасть на ихъ долю при изслѣдованіи береговъ Сибири.

Въ такомъ нравственномъ настроеніи вернулся мичманъ Врангель, весною 1816 года, въ Ревель, гдѣ вооружалась эскадра для лѣтняго практическаго плаванія. На фрегатѣ «Автроилъ», съ другомъ своимъ Анжу, началъ Фердинандъ Петровичъ свою морскую жизнь въ офицерскомъ чинѣ. Плаваніе въ Финскомъ заливѣ не могло удовлетворить энтузіаста моряка, мечты уносили его въ безпредѣльный океанъ, душа жаждала опасностей морскихъ битвъ и борьбы со стихіею. Гдѣ же утолить эту жажду? Въ Европѣ только-что воцарился миръ; о дальнихъ плаваніяхъ

не было и слуху... Въ раздумьи ходилъ молодой мичманъ по палубѣ фрегата Автроилъ, который по приказанію адмирала вернулся на Ревельскій рейдъ, когда посѣтилъ его товарищъ по корпусу, мичманъ Демидовъ, прибывшій изъ Кронштадта. Мичманъ Демидовъ между прочимъ, по секрету, сообщилъ новость, что капитанъ Головнинъ на военномъ шлюпѣ отправляется въ кругосвѣтное путешествіе. Вѣсть эта электрическимъ ударомъ потрясла все существо юнаго энтузіаста; завѣтнымъ мечтамъ предстояла возможность осуществиться; но что же предпринять? Фрегату Автроилъ предписано присоединиться къ эскадрѣ... Мичманъ Врангель рѣшился просить главнаго командира надъ Ревельскимъ портомъ походатайствовать за него, и съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ Ревельскій рейдъ.

Эскадра вернулась въ Ревель осенью. Мичманъ Врангель тотчасъ поспѣшилъ къ главному командиру, но получилъ неудовлетворительное сообщеніе: капитанъ Головнинъ отвѣчалъ, что онъ беретъ съ собою только лично ему извѣстныхъ офицеровъ. Между тѣмъ фрегатъ Автроилъ получилъ приказаніе отплыть въ Свеаборгъ, гдѣ и остаться на зиму. Истощенный безсонницею и постояннымъ внутреннимъ волненіемъ, молодой мичманъ метался отъ одной мысли къ другой; ему казалось, что вопросъ идетъ не только о его будущности, но о всей его жизни. Должно было на что-нибудь рѣшиться, и Фердинандъ Петровичъ остался вѣренъ своему характеру: онъ рѣшился на отважный шагъ. За нѣсколько часовъ до отплытія Автроила мичманъ Врангель отлучился съ фрегата и подалъ рапортъ о болѣзни; адмиралъ приказалъ больного или здороваго доставить на фрегатъ, но мичмана Врангеля нигдѣ не отыскали. Спустя нѣсколько дней по уходѣ Автроила молодой мичманъ, съ 15-ю рублей ассигн. въ карманѣ, плылъ на каботажномъ суднѣ, возвращавшемся въ Петербургъ, по сдачѣ плиты въ Ревелѣ. Послѣ десятидневнаго плаванія, выдержавъ штормъ, судно прибыло въ Петербургъ. Молодой мичманъ явился къ капитану Головнину и умолялъ его взять съ собою простымъ матросомъ; познакомившись съ нимъ, капитанъ Головнинъ далъ слово включить его въ число офицеровъ своего экипажа.

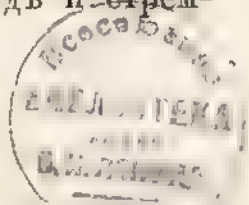
Послѣ тревожныхъ волненій настало восторженное состояніе; не было въ мірѣ человѣка счастливѣе молодого мичмана.

Въ сентябрѣ 1817 года на Кронштадтскомъ рейдѣ шлюпъ «Камчатка» снялся съ якоря и подъ командою капитана Головнина отправился въ кругосвѣтное плаваніе; на суднѣ были лейтенанты: Муравьевъ (старшій офицеръ), Филатовъ и Кутыгинъ и мичмана: Литке и Врангель.

Въ теченіи двухлѣтняго плаванія мичманъ Врангель велъ дневникъ, въ который съ педантическою вѣрностію записывалъ ежедневно все видѣнное и слышанное. Къ сожалѣнію, дневникъ этотъ сгорѣлъ во время пожара и живыя впечатлѣнія молодого мичмана, его образъ мыслей и взгляда слышали мы лишь изъ устъ старика-адмирала, сохранившаго навсегда въ памяти всю поэзію своего перваго плаванія. О командирѣ «Камчатки» капитанѣ Головнинѣ отзывался Фердинандъ Петровичъ съ особеннымъ уваженіемъ; по словамъ его, Головнинъ былъ человѣкъ энергическій, опытный, съ большимъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, любознательный и обладавшій въ высшей степени быстротою соображеній и рѣшимостью. Что касается сущности морской службы и практическаго плаванія, то у Головнина было чему поучиться, но за предѣлами настоящей службѣ моряка, Головнинъ становился равнодушнымъ къ наружному щегольству и тѣмъ мелочамъ воспно-морской смотровой части, которыя неизбѣжно необходимы на военномъ суднѣ. По мнѣнію Фердинанда Петровича, М. П. Лазаревъ и В. М. Головнинъ такъ сказать дополняли другъ друга. Въ непродолжительное время приобрѣлъ мичманъ Врангель расположеніе старшаго офицера, лейтенанта Муравьева, изъ товарищей же коротко сблизился съ мичманомъ Литке, дружескія отношенія съ которымъ сохранились и въ послѣдній періодъ его жизни и, по словамъ Фердинанда Петровича, служили ему источникомъ, изъ котораго онъ почерпалъ утѣшеніе и силы въ трудные дни его жизни.

Всею душею предался молодой мичманъ обогащенію своихъ познаній практическими свѣдѣніями и въ особенности занимался практическою навигаціею, мореходною астрономіею и землевѣдѣніемъ. Сверхъ того Врангель давалъ уроки двумъ гардемаринамъ Лутковскимъ.

На второй годъ плаванія Врангель пристрастился къ чтенію полярныхъ путешествій и все свободное время посвящалъ изученію этого предмета. Эта настойчивость въ трудѣ и стрем-



леніи обнять вполнѣ изучаемый предметъ, привлекли особенное вниманіе капитана Головнина на молодого мичмана, такъ что когда по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія, въ 1819 году, рѣшено было отправить экспедицію для изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири, то капитанъ Головнинъ указалъ на барона Врангеля, произведеннаго уже въ лейтенанты, какъ на весьма способнаго моряка, подготовившагося научно руководить важною экспедиціею. Одновременно снаряжалась и другая экспедиція для изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Западной Сибири, подъ руководствомъ лейтенанта Анжу. Объ экспедиціи опредѣлено отправить въ мартѣ будущаго 1820 года.

Перечитавъ все, что только можно было достать, о полярныхъ путешествіяхъ, изучивъ тѣ затрудненія, которыя въ ледяной степи ставятъ путешественника въ безвыходное положеніе, Врангель стремился все предусмотрѣть и запастись необходимыми научными свѣдѣніями. Съ этою цѣлію онъ неутомимо учился то въ мастерской физическихъ инструментовъ, то въ аудиторіяхъ дерптскаго университета, слушая лекціи астрономіи, минералогіи и физики извѣстныхъ въ то время профессоровъ Струве, Энгельгардта и Паррота*).

Верхомъ блаженства для молодого лейтенанта былъ день, когда онъ сѣлъ въ почтовую телѣгу и отправился въ Сибирь. Отрядъ экспедиціи состоялъ изъ мичмана Матюшкина, доктора Кибера, одного матроса, одного слесаря и одного казака. 26-го мая лейтенантъ Врангель явился въ Иркутскѣ къ М. М. Сперанскому. Счастіе благопріятствовало ему, и въ Сперанскомъ нашелъ онъ не только полное сочувствіе къ дѣлу, но успѣлъ лично пріобрѣсти особенное расположеніе знаменитаго администратора. Вотъ что говорилъ баронъ Врангель объ этомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ: «всѣмъ, что экспедиція

*) Какъ примѣръ, до чего могутъ умные и ученые люди увлекаться, разсказывалъ Фердинандъ Петровичъ о слѣдующемъ настоятельномъ совѣтѣ Паррота: «Достигнуть наиболѣе выдающейся въ океанѣ точки, выждать южный вѣтеръ, подвязать подъ мышки воздушный шаръ и съ бодрымъ духомъ нестись на сѣверъ до тѣхъ поръ, пока стрѣла инструмента, которымъ Парротъ хотѣлъ снабдить моряка-воздухоплавателя, не укажетъ ему, что онъ находится надъ магнитнымъ полюсомъ; тогда постараться опуститься на льдину, сдѣлать необходимыя наблюденія и выждавъ сѣвернаго вѣтра вернуться на материкъ». К. Н. Шварцъ.

совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ М. М. Сперанскаго; безъ его покровительства предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ».

Проплывъ въ 27 дней 2,500 верстъ по рѣкѣ Кочугѣ, прибылъ лейтенантъ Врангель въ Якутскъ и съ такою же быстротою отправился въ Нижне-Колымскъ, избранный имъ операціоннымъ пунктомъ для своихъ предпріятій, куда и прибылъ 2-го ноября 1820 года при 32° Р. Колыма извѣстна суровостью климата, средняя годичная температура въ ней — 8° Р., даже лѣтомъ случаются здѣсь страшныя метели.

Баронъ Врангель издалъ описаніе своего путешествія на русскомъ языкѣ, которое прежде появилось уже на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и доставило ему почетное званіе члена многихъ ученыхъ обществъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ *). Независимо отъ ученаго значенія, сочиненіе это есть художественное, литературное произведеніе: величіе картинъ природы, нравы и обычаи народонаселенія, промыслы и издѣлія, богатства Сибири... все это описано съ такою наблюдательностью и такъ изящно, что книга читается съ увлеченіемъ.

Главнѣйшіе результаты четырехлѣтнихъ странствованій и изслѣдованій заключались въ слѣдующемъ: 1) описанъ берегъ отъ устья Колымы до острова Колючина; 2) море осмотрѣно на разстояніи до 260 верстъ отъ берега, причемъ Врангель убѣдился, что къ сѣверу отъ мыса Яканъ лежитъ земля, которую не искать, а найдти слѣдуетъ. Земля эта дѣйствительно открыта въ 1867 году и названа землею Врангеля; 3) описаны острова противъ рѣкъ Яны и Колымы; 4) изслѣдована внутренность сѣвера восточной части Сибири; 5) раздѣленіе Азіи и Америки рѣшено окончательно: лейтенантъ Врангель достигъ съ запада острова Колючина, который съ востока осмотрѣнъ капитаномъ Биллингсомъ; 6) сдѣланы многочисленныя наблюденія и собраны замѣчательныя свѣдѣнія о народахъ и произведеніяхъ почти неизвѣстнаго края Сибири.

*) Прежде всего появилось нѣмецкое изданіе, составленное Энгельгардтомъ изъ записокъ Фердинанда Петровича; самъ же онъ до того обрусѣлъ въ корпусѣ, на службѣ и въ Сибири, что лучше владѣлъ русскимъ языкомъ, нежели нѣмецкимъ. К. Ш.

Въ сочиненіи своемъ «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ» извѣстный писатель Гартвигъ говоритъ: «Четыре года провелъ Врангель въ пустынномъ закоулкѣ земного шара; четыре года лишеній и препятствій; четыре года, принесшіе плоды для науки и доставившіе самому Врангелю славу и почести. Милость царя и всеобщее признаніе заслугъ были ему наградою. Затрудненія, съ которыми пришлось бороться Врангелю, ревность къ достиженію научныхъ результатовъ, вынесенныя имъ лишенія и опасности, безстрашіе и сила воли—все это, безъ всякаго сомнѣнія, даетъ Врангелю право, рядомъ съ Франклиномъ и Парри, стать въ первомъ ряду арктическихъ путешественниковъ».

Также высоко цѣнитъ заслуги барона Врангеля извѣстный географъ Риттеръ.

По истеченіи 4-хъ лѣтъ лейтенантъ Врангель испрашивалъ разрѣшеніе остаться еще на годъ или на два; онъ считалъ экспедицію свою неокончennою, не побывавъ на той землѣ, положеніе которой онъ такъ вѣрно опредѣлилъ; разрѣшенія этого не получилъ. И дѣйствительно настала уже крайняя пора возвратиться. Два раза былъ лейтенантъ Врангель, такъ сказать, въ рукахъ смерти: въ первый разъ, когда ледяное поле, въ 200-хъ верстахъ отъ берега, какъ бы подземнымъ ударомъ раздробилось подъ ногами въ мелкіе куски и образовалась полынья въ ½ версты ширины; въ другой разъ, когда на оторванной льдинѣ носился онъ двое сутокъ почти безъ пищи; но здѣсь находчивость, сила воли и своевременная помощь мичмана Матюшкина спасли его. Въ концѣ же путешествія появился новый врагъ—немочи тѣлесныя; желѣзный организмъ разломили ревматизмы; глаза отъ постояннаго воспаленія отказывались служить и конечно не въ Нижне-Колымскѣ, при 30 и 40° Р., можно было возстановить потраченныя силы. Въ февралѣ 1824 года прибылъ лейтенантъ Врангель въ Иркутскъ и не владѣлъ уже ногами, между тѣмъ онъ получилъ предписаніе торопиться въ Петербургъ. Генералъ-губернаторъ Лавинскій взялъ на себя отвѣтственность, оставивъ лейтенанта Врангеля въ Иркутскѣ съ тѣмъ, чтобы при первой возможности могъ онъ воспользоваться цѣлебными Баргузинскими водами. Такимъ образомъ только въ іюлѣ 1824 года вернулся Фердинандъ Петровичъ въ Петербургъ.

Императоръ Александръ I принялъ лейтенанта Врангеля весь-

ма благосклонно, заставлялъ его разсказывать многія подробности и между прочимъ спросилъ: «а бываютъ ли тамъ красные дни»? На что Врангель отвѣчалъ: «Я, ваше величество, провелъ тамъ, быть можетъ, самые красные дни моей жизни».

При представленіи императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ нижнеколымскій обитатель, несмотря на всѣ наставленія оберъ-церемоніймейстера, не понялъ знака и не поцѣловалъ руки императрицы какъ бы слѣдовало.

За понесенные труды лейтенантъ Врангель былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., къ получаемому жалованью прибавлено лейтенантское жалованье, а время проведенное въ экспедиціи повелѣно считать вдвое, для выслуги пенсіи.

Послѣ долговременнаго пребыванія въ экспедиціи на крайнемъ Сѣверѣ, въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ не коснулась еще рука цивилизаціи, при исключительныхъ обстоятельствахъ, при постоянномъ напряженіи умственныхъ и физическихъ силъ, какъ-то неестественъ былъ переходъ къ бездѣятельности, удобству и обществу. Молодой человѣкъ 27-ми лѣтъ, только что испытавшій свои силы, съ кипучей жаждой дѣятельности, не могъ удовольствоваться пріобрѣтенною извѣстностію; ему казалось, что онъ сдѣлалъ только первый опытъ, первый шагъ на пути своего призванія. Все это повергло барона Врангеля въ меланхолическое настроеніе, онъ совершенно отказался отъ общества и даже въ кругу родныхъ казался чужимъ и равнодушнымъ. Къ какому исходу могло привести это томленіе бездѣйствія, трудно угадать, въ особенности зная, что корифеи декабристовъ старались завлечь въ свой кругъ Фердинанда Петровича—человѣка съ недюжинною силою воли и готоваго на все въ виду достиженія желаемой цѣли, зная что онъ уже коротко знакомъ былъ съ главными декабристами въ Петербургѣ. Вотъ что говорилъ самъ Фердинандъ Петровичъ: «Успокоивши тревожныя чувства, созрѣвъ опытностію и безпристрастіемъ, мы должны сознаться, что не взирая на увлекательность тѣхъ высокихъ душевныхъ и умственныхъ способностей, которыми рельефно отличались дѣятели 14-го декабря, мы убѣждаемся теперь въ томъ, что они заблуждались, что сужденіе ихъ померкло отъ пагубнаго вліянія односторонности, порожденной ничѣмъ необузданнымъ горячимъ желаніемъ

патріота выдвинуть дорогое отечество на первый планъ образованнаго міра; такъ разсуждаемъ мы теперь, но тогда — увлеченіе было возможно». Добрый геній Фердинанда Петровича, его бывшій капитанъ, а въ описываемое время генералъ-интендантъ флота Головнинъ, быть можетъ, спасъ его отъ погибели, предложивъ ему снова отправиться въ кругосвѣтное плаваніе капитаномъ судна; въ это время баронъ Врангель не былъ еще посвященъ въ планы декабристовъ.

Побудительною причиною этой экспедиціи были слѣдующія соображенія: пріобрѣтеніе необходимыхъ предметовъ снабженія для Камчатки было сопряжено съ такими затрудненіями и съ такими громадными издержками, что морское министерство рѣшилось испытать доставку всего необходимаго изъ Петербурга. Съ этою цѣлію поручено было капитанъ-лейтенанту Врангелю построить трех-мачтовый шлюпъ «Кроткій», съ такимъ разсчетомъ, чтобы по возможности команда была ограничена и насколько возможно увеличена вмѣстительность для груза.

Въ сентябрѣ 1825 года нагруженный «Кроткій» вошелъ въ Атлантическій океанъ; угрюмый на берегу капитанъ этого судна какъ бы переродился, вошелъ въ свою сферу. «Я почувствовалъ себя снова на свободѣ,—говорилъ Фердинандъ Петровичъ,— и пришелъ къ убѣжденію, что покамѣстъ отечество, кровъ и покой душевный составляетъ для меня океанъ». И въ это путешествіе баронъ Врангель велъ дневникъ, который и былъ представленъ въ министерство, но не одобренъ для печати. Къ сожалѣнію ни черновой экземпляръ, ни представленный для печати въ министерство не могли быть отысканы. На возвратномъ пути, на рейдѣ въ Портсмутѣ засталъ «Кроткій» эскадру адмирала Сенявина, изъ которой подъ начальствомъ графа Гейдена отдѣлялся отрядъ въ Средиземное море, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ по поводу возстанія Греціи. Капитанъ-лейтенантъ Врангель подалъ рапортъ, прося присоединить «Кроткій» къ отряду графа Гейдена, но на этотъ разъ ему не посчастливилось и не удалось принять участіе въ знаменитой Наваринской битвѣ; онъ получилъ предписаніе немедленно плыть въ Кронштадтъ, куда, послѣ двухлѣтняго отсутствія и прибылъ «Кроткій», въ августѣ 1827 года.

Въ сентябрѣ государь осмотрѣлъ во всей подробности шлюпъ

«Кроткій», и оставшись совершенно довольнымъ найденнымъ порядкомъ, благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ командира и экипажъ за полезную и усердную службу. Еще не успѣлъ государь сойти съ палубы, какъ морской министръ, адмиралъ Моллеръ шепнулъ барону Врангелю: «Его величество приказалъ васъ назначить командиромъ экипажа и строющагося линейнаго корабля». Въ тотъ же вечеръ добросовѣстный и прямодушный морякъ, сознавая свою неопытность и незнаніе гарнизонной службы, просилъ письмомъ не назначать его экипажнымъ командиромъ, а назначить командиромъ фрегата. Государь императоръ при докладѣ былъ удивленъ, но принялъ благосклонно поступокъ капитанъ-лейтенанта Врангеля и приказалъ поручить ему командованіе фрегатомъ «Елисавета», который строился въ адмиралтействѣ, противъ зимняго дворца.

За двухлѣтнее кругосвѣтное плаваніе и успѣшное исполненіе возложеннаго порученія капитанъ-лейтенантъ Врангель награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й ст., получаемое жалованье обращено въ пенсію, а время проведенное въ экспедиціи повелѣно считать вдвойнѣ. Черезъ нѣсколько дней по полученіи этихъ наградъ баронъ Врангель былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

Во время постройки фрегата «Елисавета» государь не менѣе одного раза въ недѣлю осматривалъ работы и каждый разъ благосклонно обращался къ капитану Врангелю; часто, не выходя изъ саней требовалъ его величество Врангеля и дарилъ его лаской. Вмѣстѣ съ назначеніемъ командиромъ фрегата назначенъ былъ баронъ Врангель и членомъ учетнаго комитета морского министерства; состоя въ этомъ комитетѣ Фердинандъ Петровичъ подалъ докладную записку объ увеличеніи во флотѣ калибра вооруженія, что по докладѣ было высочайше утверждено.

Недостатокъ денежныхъ средствъ и истощеніе запасовъ лѣса были причиною, что, несмотря на петерпѣливость капитана, фрегатъ Елисавета только въ позднюю осень 1828 года прибылъ въ Кронштадтъ. Здѣсь Врангель назначенъ былъ командиромъ сводной бригады и президомъ военно-слѣдственной коммиссіи. Свободное время Фердинандъ Петровичъ посвящалъ подготовленію для печати описанія своего путешествія и своихъ открытій въ Ледовитомъ морѣ. Не трудно было предсказать, что

жизнь на берегу въ Кронштадтѣ въ то время, когда казарменные порядки, тонкости пригонки, гарнизонная и смотровая служба, суровая дисциплина, составляли столь же необходимыя качества командира части, какъ и знаніе морского дѣла, не могла понравиться Фердинанду Петровичу....

Въ исходѣ зимы 1828 года подалъ баронъ Врангель прошеніе объ отчисленіи его на 5 лѣтъ изъ дѣйствительной службы; вмѣстѣ съ этимъ просили и директоры сѣверо-американской компаніи морское министерство о назначеніи капитана 2-го ранга барона Врангеля главнымъ правителемъ колоній съ производствомъ въ слѣдующій чинъ. Не сомнѣвался въ благопріятномъ исходѣ дѣла, отправился Фердинандъ Петровичъ въ отпускъ и былъ пораженъ извѣстіемъ, что министерство отказало командировать его въ Америку. Немедленно вернулся онъ въ Петербургъ и представился морскому министру. Всѣ объясненія министра, что ему предстоитъ болѣе блестящая карьера, что государь приказалъ: «вести васъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ», только усилили разъ принятую рѣшимость; баронъ Врангель съ своей стороны представилъ, что онъ обязался словомъ и сдѣлалъ такіе шаги, которые безъ ущерба чести не дозволяютъ ему вернуться въ прежнее положеніе. Такимъ образомъ въ мартѣ 1829 года баронъ Врангель былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга съ назначеніемъ главнымъ правителемъ сѣверо-американскихъ колоній.

Теперь представлялся вопросъ: гдѣ найти образованную дѣвушку, которая бы рѣшилась, такъ сказать, прямо изъ-подъ вѣнца отправиться на 5 лѣтъ въ холодныя тундры Ситхи и переѣздъ этотъ совершить сухимъ путемъ въ Охотскъ? Фердинанду Петровичу представлялись весьма выгодныя партіи, но теперь наружная обстановка потеряла для него всякое значеніе: поэтъ въ душѣ, онъ искалъ духовное сокровище, и самъ нашелъ его, нашелъ своеобразно, романически. Съ предвзятымъ намѣреніемъ познакомиться въ одномъ семействѣ, гдѣ Фердинанду Петровичу рекомендовали достойную дѣвушку, ѣхалъ онъ съ своею родственницею изъ Петербурга въ Эстляндскую губернію; въ конторѣ дилижансовъ въ Ревелѣ увидѣлъ Фердинандъ Петровичъ изъ окна гуляющее семейство, въ числѣ прочихъ дѣвушку, которая приковала его вниманіе, быстро обратился онъ къ своей

родственницѣ, уроженкѣ Ревеля, съ вопросомъ не знаетъ ли она это семейство, и получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ немедленно представить его. Рѣшивъ въ умѣ своемъ, что онъ нашелъ свою суженую, энергическій морякъ быстро пошелъ къ цѣли: черезъ двѣ недѣли сдѣлалъ онъ предложеніе, черезъ другія двѣ недѣли обвѣнчался, а еще черезъ двѣ недѣли ѣхалъ съ молодою супругою *) въ Иркутскъ.

Осенью 1829 года прибылъ баронъ Врангель съ молодою женою въ Иркутскъ, гдѣ гостепріимное купечество и губернаторъ приняли путешественниковъ весьма радушно. Зимою баронъ Врангель совершилъ, въ интересахъ компаніи, поѣздку въ Маймачинъ, гдѣ также молодую чету принимали съ большимъ торжествомъ. Весною 1830 года родилась у барона Врангеля дочь, а въ маѣ плылъ онъ съ своимъ семействомъ по Ленѣ въ Якутскъ; отсюда предстояло проѣхать 1,200 верстъ до Охотска верхомъ и наконецъ мѣсячное плаваніе изъ Охотска въ Ситху при весьма ненастной и бурной погодѣ. На шестомъ мѣсяцѣ странствованій, въ октябрѣ, прибыли наконецъ путешественники въ мѣсто ихъ осѣдлости—Новый Архангельскъ.

Какъ всѣ люди съ энергическимъ характеромъ и твердою волею доводятъ проявившуюся у нихъ привязанность до зенита ея, такъ и Фердинандъ Петровичъ сталъ самымъ нѣжнымъ и заботливымъ отцемъ и мужемъ. Неудобства и лишенія въ путешествіи изъ Иркутска въ Новый Архангельскъ, въ особенности странствованіе верхомъ молодой женщины съ грудным ребенкомъ, ночлеги въ ненастную погоду безъ всякаго крова, наконецъ сильные штормы во время переѣзда моремъ — все это было тяжелымъ испытаніемъ для впечатлительной души Фердинанда Петровича и тревожное состояніе изнурило бы его, если бы молодая жена не облегчила его страданій. Эта достойная и умная женщина, пробивъ кору равнодушія сосредоточеннаго мыслителя и ожививъ сердце угрюмаго моряка для высокихъ, религіозныхъ и нѣжныхъ чувствъ, вѣрно поняла какою нравственною опорою должна она быть въ жизни своего мужа, и дѣйствительно была, въ точномъ значеніи этого слова, его ангеломъ-хранителемъ.

---

*) Уроженную Россильонъ. К. Ш.

Едва-ли ни въ первый разъ прибыла въ Ситху образованная женщина и Фердинандъ Петровичъ восхищался гостепріимствомъ и тѣмъ природнымъ тактомъ своей жены, по внушенію котораго встрѣчала она одинаково радушно всѣхъ посѣщавшихъ домъ ея. За то и оставила она въ благодарныхъ сердцахъ завидныя о себѣ воспоминанія. Скромный дѣятель, подвизавшійся по пути озаренія лучемъ христіанства алеутовъ и колошей, нынѣ высокій пастырь, не задолго до смерти Фердинанда Петровича, между прочимъ писалъ къ нему: «Сегодня 6-е января — день рожденія покойной супруги вашей, которую я всегда поминаю въ моихъ посильныхъ молитвахъ. Кажется никогда я не былъ такъ веселъ, какъ 6-го января 1835 года, т.-е. въ первомъ году прожитія моего въ Ситхѣ по возвращеніи изъ Уналашки». — Супруга Фердинанда Петровича была женщина глубоко религіозная и благочестивая.

Вступленіе барона Врангеля въ управленіе сѣверо-американскихъ колоній принесло существенную пользу компаніи; всѣ отдѣлы и острова бывшихъ нашихъ владѣній въ Америкѣ, отъ Берингова Пролива до Калифорніи осматривались баропомъ Врангелемъ ежегодно во всей подробности и вслѣдствіе его предусмотрительной распорядительности подчинены были промыслы правильной эксплуатаціи, безъ чего въ непродолжительное время во многихъ мѣстахъ совершенно истребился бы пушной звѣрь. До уступки нашихъ владѣній въ Америкѣ былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи привилегій сѣверо-американской компаніи; близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ и основываясь на примѣрѣ Англіи, не только продолжившей, но еще увеличившей привилегіи гудзонбайской компаніи, баронъ Врангель печатно доказывалъ необходимость подобной мѣры и для нашей Американской компаніи. Одно высокопоставленное лицо, которому принадлежитъ иниціатива поднятаго вопроса объ уничтоженіи привилегій Американской компаніи, опровергая всѣ доводы барона Врангеля, въ благородномъ безпристрастіи слѣдующимъ образомъ оканчиваетъ свою записку: «Баронъ Врангель былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ правителей нашихъ колоній, посему весьма извинительно, что онъ увлекается въ пользу компаніи и, обсуждая ея дѣйствія, полагаетъ, что всѣ и всегда дѣйствовали также благонамѣренно и добросовѣстно какъ онъ

самъ». Вѣроятно никто не слыхалъ отъ Фердинанда Петровича и малѣйшаго намека о важности его открытій, но многіе, безъ сомнѣнія, слыхали его разсказы о томъ, что наши американскія владѣнія, при вступленіи его въ управленіе, представляли дикую страну и нравственное запустѣніе и что черезъ пять лѣтъ ему отрадно было видѣть слѣды гражданскаго общежитія во многихъ заселеніяхъ и обильно брошенныя протоіереемъ Веніаминовымъ сѣмена христіанства. Будучи впослѣдствіи директоромъ, баронъ Врангель видѣлъ и зрѣющій посѣвъ своихъ заботъ и трудовъ — увеличеніе церквей и школъ и улучшеніе быта колошъ и алеутовъ.

Упомянемъ здѣсь о двухъ событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на благосостояніе американской компаніи и въ которыхъ баронъ Врангель былъ главнымъ дѣятелемъ; событія эти описаны въ «Историческомъ Обозрѣніи Россійско-Американской компаніи» Н. Тихменева, и мы здѣсь добавимъ только нѣкоторыя подробности.

По конвенціи между россійско-американскою и гудзонбайскою компаніями между прочимъ опредѣлено право свободнаго входа и выхода по рѣкамъ, которыя берутъ начало въ земляхъ гудзонбайской компаніи, а впадаютъ во владѣніяхъ россійско-американской компаніи; вмѣстѣ съ этимъ допускалось право пристанища или стоянки англійскаго судна въ мѣстахъ, гдѣ находятся русскія селенія, иначе, какъ съ дозволенія начальства послѣднихъ. Далѣе въ конвенціи сказано, что въ случаяхъ разногласія не должно допускать насилій, а прибѣгать за рѣшеніемъ къ своимъ правительствамъ. Этою неопредѣленностью конвенціи воспользовался баронъ Врангель, когда по собраннымъ свѣдѣніямъ убѣдился, что англичане намѣрены основать колонію на границѣ своихъ владѣній, въ томъ мѣстѣ гдѣ протекаетъ рѣка Стахинъ, впадающая въ море въ нашихъ владѣніяхъ. По распоряженію барона Врангеля быстро были построены редутъ и блокгаузы на устьѣ Стахина, въ зиму 1834 года, и въ проходѣ стояли два судна съ орудіями. Командиру крѣпостцы, лейтенанту Зарембо, дана была инструкція: не дозволять англійскому судну останавливаться въ виду редута, но въ случаѣ рѣшительнаго намѣренія войти въ рѣку не препятствовать, показывая однако же видъ, что съ редута и съ судовъ будетъ открытъ

огонь, когда англійское судно будетъ проходить мимо ихъ. Весною дѣйствительно явилось англійское трехъ-мачтовое судно, съ запасами, матеріалами, скотомъ и людьми для постройки заселенія. Согласно полученной инструкціи лейтенантъ Зарембо не дозволялъ судну останавливаться, несмотря на настоянія капитана корабля, который съ своей стороны, видя угрозу, не рѣшался вступить прямо въ рѣку. Это обстоятельство послужило поводомъ къ сложнымъ дипломатическимъ сношеніямъ и графъ Нессельроде признавалъ поступокъ барона Врангеля противузаконнымъ, а вслѣдствіе этого должно было признать и справедливость требованія Гудзонбайской компаніи объ уплатѣ ей 500,000 руб. асс. за понесенные убытки. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда баронъ Врангель, возвратясь въ Петербургъ, представился государю императору Николаю Павловичу. Его величество принялъ барона Врангеля весьма благосклонно и разспросивъ о подробностяхъ столкновенія съ гудзонбайскою компаніею, съ твердостію сказалъ: «Англичанамъ намъ на ногу наступать, конечно, дозволять не должно, но существующіе трактаты должны быть исполняемы свято». Баронъ Врангель доложилъ: «Ваше величество, надѣюсь доказать, что конвенція ни въ одномъ пунктѣ мною нарушена не была».— Затѣмъ баронъ Врангель предложилъ графу Нессельроде и директорамъ компаніи уполномочить его для объясненій съ директоромъ гудзонбайской компаніи Георгомъ Симпсономъ, назначивъ мѣстомъ переговоровъ Гамбургъ. Изучивъ край и мѣстныя условія баронъ Врангель былъ твердо убѣжденъ, что въ интересахъ гудзонбайской компаніи было весьма важно сохранить дружественныя отношенія съ нашею компаніею въ Америкѣ, и опираясь на это онъ достигъ самыхъ блистательныхъ результатовъ въ переговорахъ съ Симпсономъ: требованіе о вознагражденіи уничтожено, а съ гудзонбайской компаніей вступлено въ новыя сдѣлки на весьма выгодныхъ условіяхъ для россійско-американской компаніи *). Утвердившіяся дружественныя сношенія не прерывались и въ войну 1854—1856 годовъ и благодаря этому англійскіе крейсеры не причинили никакого вреда нашимъ колоніямъ въ Америкѣ.

Не столь успѣшно окончился другой планъ барона Врангеля.

*) См. «Историческое Обозрѣніе Р. А. Компаніи», стр. 268 и 269. К. Ш.

Еще въ 1812 году, на землѣ свободныхъ индѣйцевъ въ Сѣверной Калифорніи, недалеко отъ С. Франциско, россійско-американскою компаніею было основано заселеніе, названное Россъ. Цѣль основанія этого заселенія неоправдалась: промыселъ пушныхъ звѣрей шелъ неуспѣшно, ибо ловить бобровъ въ заливѣ С. Франциско испанцы не дозволяли, а отъ земледѣлія также не было успѣха, какъ отъ характера почвы, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ тумановъ, имѣвшихъ неблагопріятное вліяніе на всходы хлѣбовъ. Заселеніе Россъ приносило компаніи одни лишь убытки, которые болѣе и болѣе возрастали. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда баронъ Врангель въ 1833 посѣтилъ Россъ и объѣзжая окружающую мѣстность, увидѣлъ, въ 20 верстахъ отъ заселенія Россъ, прекрасную долину никѣмъ не воздѣлываемую, но принадлежащую отдѣлившейся отъ Испаніи республикѣ Мексикѣ, которая заявляла свои притязанія и на самую мѣстность Росса. Настояла крайняя необходимость привести это дѣло въ ясность. По частнымъ сношеніямъ съ мѣстными властями баронъ Врангель заключилъ, что мексиканское правительство готово сдѣлать уступку, ежели русское правительство оффиціально признаетъ республику. На свое донесеніе по этому предмету баронъ Врангель получилъ отвѣтъ изъ Петербурга, что вице-канцлеръ графъ Нессельроде находитъ это неудобнымъ и что если компанія, безъ содѣйствія правительства, не можетъ уладить дѣло, то заселеніе Россъ должно быть упразднено. Но барону Врангелю не возбранялось однакоже безъ паспорта на обратномъ пути заѣхать въ Мексику и вступить отъ имени компаніи въ сношенія съ правительствомъ республики, непризнанной Россіею. Какъ ни трудно было это выполнить, но баронъ Врангель рѣшился попытать счастіе. На первомъ же шагу онъ встрѣтилъ препятствіе—его не впустили въ гавань С. Блазъ, но благодаря помощи англійскаго консула ему всетаки удалось добраться до Мексики. Здѣсь, при содѣйствіи прусскаго генеральнаго консула, баронъ Врангель добился аудіенціи у вице-президента республики Барагома, который однако же принялъ его какъ частнаго человѣка, не имѣвшаго полномочій отъ своего правительства. Баронъ Врангель представилъ вице-президенту безпрестанно возрастающее выселеніе сѣверо-американцевъ въ Монтерей и С. Франциско и тѣ выгоды, которыя можетъ извлечь

мексиканское правительство отъ сосѣдняго заселенія русскихъ. На это вице-президентъ отвѣтилъ, что правительство республики безъ сомнѣнія готово сдѣлать существенныя уступки, если только русское правительство откроетъ дипломатическія сношенія съ республикою. Заручившись этимъ баронъ Врангель явился въ Петербургъ, но графъ Нессельроде прямо объявилъ ему, что дипломатическія сношенія съ республикою невозможны. Когда баронъ Врангель представлялся государю императору, то его величество коснулся и этого вопроса; на докладъ барона Врангеля государь рѣшительно сказалъ: «Я не могу вступать въ сношенія съ Мексикою»; когда же баронъ Врангель рѣшился представить, что Пруссія, не признавая оффиціально республики, содержитъ въ Мексикѣ дипломатическаго агента въ лицѣ генеральнаго консула, черезъ посредство котораго заключенъ весьма выгодный торговый трактатъ, то государь прервалъ его словами: «Для Пруссіи выгоды впереди чести, а у меня это наоборотъ».—

Въ 1841 году заселеніе Россъ было упразднено; инвентарь проданъ швейцарскому поселенцу въ С. Франциско, гдѣ черезъ два года, на рѣкѣ Сакраменто были открыты богатыя золотыя розсыпи. Впослѣдствіи враги Фердинанда Петровича воспользовались упраздненіемъ заселенія Россъ и распространяли слухи, что по винѣ его уступлено сѣверо-американцамъ мѣсто, на которомъ открыто золото. Нелѣпость этихъ слуховъ очевидна въ настоящее время, когда секретная переписка стала оффиціальною и когда въ «Историческомъ Обозрѣніи Рос.-Ам. Компаніи»—Н. Тихменева ясно изложены причины упраздненія Росса и еще осязательнѣе опредѣлено, что около заселенія Россъ и по сіе время не найдено ни одного зерна золота, а открыты розсыпи за хребтомъ горъ, отдѣляющемъ полосу земли, на которой существовалъ Россъ.

Въ теченіи пятилѣтняго управленія нашими колоніями въ Америкѣ, баронъ Врангель находился въ постоянной письменной войнѣ съ директорами и членами управленія компаніи — несвѣдущими и необразованными купцами, за которыхъ говорили и управляли служившія на жалованьи у нихъ личности, занимавшія видныя мѣста въ государственной службѣ, но тѣмъ не менѣе, также не знавшіе настоящее положеніе колоній. Однакоже отчетъ представленный барономъ Врангелемъ обратилъ на себя

полное вниманіе директоровъ и они желали пріобрѣсти для себя столь полезнаго дѣятеля. Съ этою цѣлью старшій изъ директоровъ—купецъ Прокофьевъ предложилъ барону Врангелю за 6,000 руб. годового вознагражденія состоять частнымъ секретаремъ и вести дѣла, касающіяся колоній. Баронъ Врангель соглашался вести дѣла колоній, но не какъ частный, а утвержденный акціонерами секретарь. Директора представляли барону Врангелю, что до сихъ поръ занимался incognito дѣлами колоній статсъ-секретарь П., всего за 5,000 руб., но это не поколебало барона Врангеля и онъ окончательно отказался состоять на службѣ у директоровъ. Вскорѣ послѣ этого было общее собраніе акціонеровъ, въ которомъ совершенно неожиданно три купца-акціонера предложили просить барона Врангеля принять на себя веденіе дѣлъ по колоніямъ съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 9,000 рублей. Предложеніе это нашло всеобщее одобреніе и баронъ Врангель принялъ эту должность.

Вступленіе его въ управленіе россійско-американскими колоніями составляетъ безспорно эпоху въ существованіи нашей американской компаніи. Съ свойственною ему энергіею принялся баронъ Врангель за дѣло и въ первый же годъ достигъ блистательныхъ результатовъ: съ гудзонбайской компаніей установились дружескія и выгодныя сношенія; компанійскія суда застрахованы и всѣ отчеты приведены въ ясность. Главная же заслуга барона Врангеля заключается въ томъ, что онъ успѣлъ устроить ежегодное собраніе акціонеровъ и ежегодную выдачу дивиденда, прежде это дѣлалось черезъ два года. При этомъ акціонеры были поражены, получивъ печатный отчетъ и балансъ,—это былъ первый печатный отчетъ въ нашихъ акціонерныхъ обществахъ и многіе сочли это нововведеніе весьма либеральною выходкою. Такое направленіе дѣлъ не нравилось директорамъ компаніи и они всѣми усиліями старались парализовать всѣ дѣйствія барона Врангеля, такъ что положеніе его становилось невыносимымъ; поэтому въ общемъ собраніи акціонеровъ въ 1840 году онъ отказался отъ принятой на себя должности—завѣдывающаго дѣлами колоній, находя что послѣднія состоятъ въ органической связи съ главнымъ управленіемъ компаніи и что отдѣльное ихъ веденіе вредитъ дѣлу. Тогда акціонеры спросили барона Врангеля: не согласится ли онъ быть

главнымъ директоромъ компаніи, и послѣ утвердительнаго отвѣта единогласно избрали его. Этотъ неожиданный и быстрый выборъ возмутилъ остальныхъ директоровъ и членовъ управленія и они надѣялись повернуть дѣло иначе, созвавъ снова общее собраніе; но противникъ былъ имъ не по силамъ. Черезъ день послѣ выбора баронъ Врангель явился въ управленіе, пригласилъ изъ ближайшаго прихода священника, принесъ должную присягу, составилъ протоколъ, явился къ министру финансовъ, а на третій день принялъ въ свое вѣдѣніе компанейскую кассу, объявивъ что будетъ ею завѣдывать безвозмездно и лишивъ такимъ образомъ одного изъ директоровъ 12,000 рублей, которыя онъ получалъ сверхъ содержанія по званію директора. Противники барона Врангеля надѣялись еще отдѣлаться отъ него въ будущемъ году. Въ 1841 году оканчивалась привилегія компаніи и составленъ былъ новый уставъ, въ силу котораго общее собраніе акціонеровъ должно было выбрать главнаго управляющаго и новыхъ четырехъ директоровъ; несмотря однако-же на всѣ интриги, по большинству голосовъ, главноуправляющимъ былъ избранъ баронъ Врангель. Не станемъ вдаваться въ подробности десятилѣтняго его управленія дѣлами компаніи; труды его были достойно оцѣнены общественнымъ мнѣніемъ и акціонерами, которые опредѣлили ему пожизненный пенсіонъ въ 2,000 рублей сер., когда баронъ Врангель, выйдя въ отставку, отказался и отъ должности главноуправляющаго компаніи. Правительство также съ особеннымъ довѣріемъ относилось къ правленію американскихъ колоній и дѣлало ему секретныя порученія большой важности: изъ нихъ упомянемъ объ изслѣдованіи устья Амура, въ который компанейское судно первымъ проникло на 20 миль и за что баронъ Врангель въ секретной бумагѣ вице-канцлера удостоился особаго высочайшаго благоволенія, которое до самой смерти Фердинанда Петровича хранилось въ секретѣ и не занесено въ его формулярный списокъ.

Россійско-американская компанія давала барону Врангелю обильныя матеріальныя средства для жизни, но любознательность его не довольствовалась трудовыми занятіями главноуправляющаго и побуждала искать развлеченія въ безкорыстныхъ умственныхъ занятіяхъ на пользу науки. Чаще другихъ сходился Фердинандъ Петровичъ съ академикомъ Бером̀ъ и другомъ сво-

имъ Литке; предметомъ ихъ бесѣдъ было землевѣдѣніе и здѣсь-то была колыбель нашего географическаго общества, въ числѣ членовъ-учредителей котораго былъ баронъ Врангель, назначенный предсѣдателемъ въ отдѣленіи общей географіи....

Обращаемся къ его службѣ на государственномъ поприщѣ. По возвращеніи изъ Ситхи, 8 іюля 1836 года, капитанъ 1-го ранга баронъ Врангель былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ членомъ общаго присутствія кораблестроительнаго департамента, а 5-го августа того же года, назначенъ исправляющимъ должность директора департамента корабельныхъ лѣсовъ. Истинное призваніе Фердинанда Петровича была служба на суднѣ и въ морѣ, но тогдашній характеръ этой службы въ Балтійскомъ флотѣ не соотвѣтствовалъ его понятіямъ....

Энергически принялся Врангель за дѣло по устройству корабельныхъ лѣсовъ. Кругомъ дѣйствія департамента были лѣсистыя мѣстности Европейской Россіи отъ Урала до Польши и отъ Архангельска до южнаго берега Крыма. Не найдя въ департаментѣ ни точныхъ свѣдѣній, ни людей знакомыхъ практически или теоретически съ дѣломъ, баронъ Врангель счелъ необходимымъ въ теченіи двухъ лѣтъ объѣзжать лѣса, съ цѣлію на мѣстѣ уяснить себѣ, что должно предпринять для приведенія этой важной отрасли морского хозяйства въ надлежащій порядокъ. Ознакомившись съ дѣломъ на мѣстѣ, Врангель убѣдился въ крайней необходимости новой организаціи департамента корабельныхъ лѣсовъ; въ лѣсныхъ дачахъ не только не было правильнаго хозяйства, но даже и достаточнаго надзора и контроля. Предстояло найти свѣдущихъ по лѣсоводству людей и надежную лѣсную стражу. Поданная по этому предмету записка нашла полное одобреніе и сочувствіе морского министра князя Меншикова.

Въ концѣ 30-хъ годовъ подобныя дѣйствія всегда вызывали реакцію и весьма естественно, что появились противники и интриги, но поддерживаемый княземъ Меншиковымъ баронъ Врангель не измѣнялъ начертанной имъ программы дѣйствій. Мало по малу пришлось сталкиваться съ прочими департаментами морского министерства; всегда рѣшительный въ своихъ поступкахъ баронъ Врангель рѣзко выставлялъ несправедливости и упущенія. Въ одномъ изъ подобныхъ столкновеній съ кораблестрои-

тельнымъ департаментомъ дѣло дошло до формальнаго слѣдствія и управлявшій, за отсутствіемъ князя Меншикова, безпристрастный генералъ-адъютантъ Перовскій, убѣдившись изъ слѣдствія въ винѣ чиновника кораблестроительнаго департамента, отставилъ его отъ службы, а директору департамента объявилъ выговоръ. Это окончательно возстановило противъ барона Врангеля все министерство; вмѣсто довѣрія и вниманія къ его представленіямъ встрѣчалъ онъ препятствія и отказы, а вскорѣ убѣдился и въ явномъ недоброжелательствѣ. При такихъ обстоятельствахъ о полезной дѣятельности нельзя было и думать, всѣ способности должно было напрягать для предотвращенія непріятностей и для борьбы съ интригами.

Въ 1849 году онъ вышелъ въ отставку и переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ имѣніе Руиль, Эстляндской губерніи. Надежды его успокоиться въ сельскомъ уединеніи не осуществились, вмѣсто безмятежной жизни настали для него тяжкіе и долгіе дни истиннаго испытанія: нѣжно-любимая жена его скончалась въ мартѣ 1854 г.

Вскорѣ послѣ этого роковаго несчастія получилъ Фердинандъ Петровичъ письмо отъ друга своего, въ которомъ послѣдній, по порученію Генералъ-Адмирала спрашивалъ его, не желаетъ ли онъ снова поступить на службу, именно директоромъ гидрографическаго департамента? Такое предложеніе поразило Фердинанда Петровича неожиданностію, но что Великій Князь вспомнилъ объ немъ— это подѣйствовало на него весьма благотворно и онъ еще чувствовалъ достаточно силы отблагодарить его высочество за лестное къ нему вниманіе. Согласіе было послано, и 8-го сентября 1854 года, состоявшій въ отставкѣ вице-адмиралъ баронъ Врангель высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ директоромъ гидрографическаго департамента морского министерства. Черезъ нѣсколько дней по полученіи высочайшаго приказа баронъ Врангель представился генералъ-адмиралу, благосклоннымъ пріемомъ котораго и одушевленнымъ его желаніемъ возвысить и облагородить флотъ, приведенъ былъ въ восторженное состояніе.

Вступивъ въ исправленіе новой должности Врангель обратилъ особенное вниманіе на депо картъ, библіотеку и типографію. Черезъ два мѣсяца назначенъ председателемъ коммисіи для пересмотра морскихъ уголовныхъ законовъ; 23 февраля 1855 года,

послѣ смерти адмирала Рикорда,— сдѣланъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета, а 13-го апрѣля того же года—инспекторомъ штурмановъ балтійскаго флота. При столь сложныхъ обязанностяхъ баронъ Врангель не имѣлъ свободной минуты, но поощряемый благоволеніемъ и довѣріемъ своего августѣйшаго начальника работалъ съ любовью и не зналъ усталости. Въ это время органъ морского вѣдомства — «Морской Сборникъ» принялъ новое направленіе, вслѣдствіе котораго онъ пріобрѣлъ значеніе передового журнала не только въ военной, но и вообще въ нашей литературѣ; честь этого направленія безспорно принадлежитъ Генералъ-Адмиралу и затѣмъ его достойному сподвижнику барону Врангелю.

18 мая 1855 года Фердинандъ Петровичъ назначенъ управляющимъ морского министерства и по сему званію присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. Въ то же время онъ назначенъ членомъ сибирскаго комитета, а въ августѣ того же года—членомъ высочайше утвержденнаго комитета для соображенія средствъ къ защитѣ береговъ Балтійскаго моря. Въ слѣдующемъ году баронъ Врангель былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и произведенъ въ полные адмиралы.

Переходъ отъ пятилѣтняго сельскаго уединенія къ кипучей дѣятельности, возбужденной въ морскомъ вѣдомствѣ генералъ-адмираломъ, былъ слишкомъ разителенъ для 60-ти-лѣтняго старика и не трудно было предсказать, что силы его надломятся. И дѣйствительно, въ февралѣ 1857 года, когда за отсутствіемъ генералъ-адмирала за границею, возвращался баронъ Врангель отъ доклада государю императору, почувствовалъ онъ головокруженіе и двоеніе предметовъ, такъ что съ трудомъ могъ найти двери своей квартиры. Фердинандъ Петровичъ надѣялся отправиться къ докладу на слѣдующей недѣлѣ, но облегченія не было и онъ принужденъ быть испросить высочайшее разрѣшеніе, чтобы докладъ былъ сдѣланъ старшимъ по немъ. Государь Императоръ, полагая что болѣзнь преходящая, не соизволилъ на это. Вскорѣ затѣмъ возобновились припадки съ бо́льшею силою и доктора требовали немедленнаго прекращенія всякихъ занятій и по возможности скорѣйшей поѣздки для пользованія минеральными водами. Въ милостивомъ вниманіи къ заслугамъ барона Врангеля государь императоръ ежедневно присылалъ курьера освѣдом-

ляться о здоровьи его, пожаловалъ ему 5,000 червонцевъ для поѣздки за границу и, уволивъ отъ должности управляющаго морскимъ министерствомъ, назначилъ его членомъ государственнаго совѣта. Въ апрѣлѣ 1857 года онъ отправился за границу.

Въ біографическомъ очеркѣ не мѣсто вдаваться въ современныя намъ реформы въ русскомъ флотѣ; трудно объ нихъ судить не спеціалисту при живыхъ еще дѣятеляхъ; но несомнѣнно однако-же, что по званію управляющаго морскимъ министерствомъ баронъ Врангель долженъ былъ принимать въ нихъ самое живое участіе. Упомянемъ о новыхъ учрежденіяхъ и преобразованіяхъ въ администраціи, починъ которыхъ принадлежитъ барону Врангелю, а именно: 1) образованіе техническаго комитета, 2) назначеніе морскихъ офицеровъ городовыми начальниками въ портахъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, 3) преобразованіе адмиралтействъ совѣта въ тотъ видъ, въ какомъ онъ нынѣ находится и 4) заявленіе о необходимости и пользѣ развесть на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ купеческій транспортный флотъ изъ сильныхъ пароходовъ, для чего необходимо основать привилегированное акціонерное общество съ значительнымъ пособіемъ отъ казны.

Едва успѣлъ заявить баронъ Врангель свою мысль объ основаніи русскаго Ллойда, какъ 16 апрѣля 1856 года былъ онъ назначенъ предсѣдателемъ высочайше утвержденнаго комитета для изысканія средствъ къ развитію купеческаго флота. Осуществленіе идеи русскаго Ллойда нашло непреоборимыя препятствія, требовалась большая затрата капитала со стороны правительства, а это, тотчасъ по заключеніи парижскаго трактата, было крайне затруднительно и только благодаря энергіи Генералъ-Адмирала, одержавшаго блистательную побѣду въ 30 бурныхъ засѣданіяхъ комитета министровъ, обязана черноморская компанія пароходства и торговли своимъ существованіемъ.

Упомянемъ еще, что по ходатайству Фердинанда Петровича призваны были къ дѣятельности способныя личности, отодвинутыя вслѣдствіе невзгодъ на службѣ на второй планъ; нѣкоторыя изъ нихъ и понынѣ занимаютъ видныя должности въ морскомъ вѣдомствѣ.

Проведя около 1½ года въ чужихъ краяхъ баронъ Врангель возстановилъ свое здоровье и осенью 1859 года занялъ свое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ; въ это время по всѣмъ отрас-

лямъ государственнаго управленія предпринимались существенныя преобразованія; обсуждались жизненные вопросы освобожденія крестьянъ, новаго судопроизводства и судоустройства, уничтоженіе откупа, введенія единства кассы, государственнаго контроля и многія другія. Оставаться нѣмымъ слушателемъ, быть безучастнымъ членомъ совѣта было не въ характерѣ барона Врангеля и вотъ съ едва возстановленными силами погрузился онъ снова въ кабинетныя занятія, по цѣлымъ днямъ писалъ и читалъ. Многіе мемуары и записки свои давалъ Фердинандъ Петровичъ читать довѣреннымъ лицамъ и нѣкоторыя изъ его записокъ послужили поводомъ для измѣненія предрѣшенныхъ мѣропріятій. Фердинандъ Петровичъ преимущественно любилъ заниматься экономическими вопросами государства и всегда сожалѣлъ, что былъ назначенъ не по призванію въ департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта.

Окончательно разстроенное здоровье заставило Врангеля въ 1864 г. оставить, и на этотъ разъ уже безвозвратно, служебныя занятія. «Потребность дѣятельности», писалъ Фердинандъ Петровичъ, возвратясь изъ новаго и уже послѣдняго заграничнаго путешествія: «исчезла вмѣстѣ съ гибкостію способностей; я совершенно равнодушенъ къ такъ-называемымъ современнымъ вопросамъ, мнѣ кажутся мелочными тѣ побудительныя причины, возбуждающія дѣятельность и страсти высоко и низко поставленныхъ людей». Въ своемъ имѣніи, куда онъ переселился изъ Петербурга, онъ мнилъ найти миръ и покой среди своей семьи, въ воспоминаніяхъ пережитаго, въ созерцаніи природы и величія Творца. Но старикъ ошибся,— свѣточъ священнаго огня еще не потухъ, пытливый умъ до послѣдняго дыханія требовалъ пищи, и вотъ все дозволенное ему время посвящалъ Фердинандъ Петровичъ обширной перепискѣ съ учеными, литераторами и съ заслуживавшими его довѣренность. Если не съ душевными потрясеніями, то во всякомъ случаѣ ко вреду своего здоровья волновался онъ и скорбѣлъ узнавая торжество неправды и интриги надъ истиною и заслугами.....

Какъ бы предчувствуя близкій конецъ, родилась у Фердинанда Петровича душевная потребность посѣтить тѣ мѣста, гдѣ протекло его дѣтство; совершивъ это коротенькое путешествіе, заѣхалъ онъ къ брату въ Дерптъ, на рукахъ котораго и умеръ скоро-

постижно отъ паралича сердца. Отсюда покойникъ былъ перевезенъ въ его имѣніе Руиль, гдѣ любившіе и благодарные ему крестьяне, жившіе на его земляхъ, отнесли его на кладбище и со слезами опустили въ могилу. Простимся и мы съ дорогимъ старикомъ, припомнивъ нѣкоторыя черты его характера и взглянувъ на его домашній бытъ.

Фердинандъ Петровичъ большею частію былъ серьезенъ и задумчивъ; по наружному казался холоднымъ и несообщительнымъ; если къ этому прибавить его извѣстность въ ученомъ мірѣ, то понятно почему многимъ было какъ-то неловко, стѣснительно въ первое время знакомства съ нимъ. Боялись встрѣтить въ немъ строгаго судью, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ самый снисходительный человѣкъ; боялись учености его, тогда какъ онъ былъ готовъ самъ у каждаго учиться; другіе, быть можетъ разсчитывали на отверстыя объятіи, но на это Фердинандъ Петровичъ былъ окончательно неспособенъ. Не зная симпатій и антипатій, онъ сближался и чуждался не вдругъ; но если кто находилъ въ его сердцѣ уголокъ, тому всегда готовъ былъ привѣтъ и совѣтъ, участіе и помощь. Лицемѣріе, суетность, пусканіе пыли въ глаза ненавидѣлъ онъ какъ самые вредные общественные недостатки. Фердинандъ Петровичъ былъ глубоко религіозенъ, но не былъ ханжа. Онъ перечиталъ современныя воззрѣнія матеріалистовъ и раціоналистовъ, бесѣдовалъ со многими профессорами философіи и, чрезъ это горнило испытаній, вышелъ съ непоколебимымъ вѣрованіемъ, что христіанская религія есть истинный путь спасенія. Поэтому и былъ онъ всегда готовъ на благотворительность и горячее содѣйствіе къ распространенію христіанства. Этотъ труженикъ науки не зналъ праздности, даже прогуливаясь, онъ былъ погруженъ въ мысли и казалось обдумывалъ что-то, вовсе не обращая вниманія, что дѣлалось по сторонамъ. Фердинандъ Петровичъ былъ замѣчательно умѣренъ и положительно чуждъ всякихъ прихотей; впрочемъ, была у него одна и притомъ весьма расходная прихоть — это его библіотека.

Но не всегда Фердинандъ Петровичъ былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ, бывали часы когда онъ совершенно отрѣшался отъ своего умственнаго напряженія, былъ веселъ, шутилъ и не признавалъ за собою никакого авторитета. Это было тогда, когда;

оставивъ за порогомъ своего кабинета всѣ свои думы, садился онъ за семейный столъ или присоединялся къ кружку собравшихся знакомыхъ и родныхъ. Онъ уважалъ мнѣніе каждаго: изъ опыта своей жизни убѣдился онъ, что и у самоѣда, чукча и колоша можно узнать то, чего не вычитаешь изъ книгъ; онъ какъ бы увѣренъ былъ, что у каждаго человѣка можно поживиться чѣмъ-нибудь для обогащенія своихъ свѣдѣній. А свѣдѣнія его были обширны, изумительно даже когда онъ успѣвалъ пріобрѣтать ихъ. Правда, что съ 19-ти лѣтъ наука была исключительнымъ его прибѣжищемъ и единственнымъ средствомъ выдвинуться изъ среды обыкновенной посредственности. Трудно опредѣлить, какая спеціальность была преобладающимъ предметомъ его занятій; роскошно одаренный умственными способностями, онъ былъ то ученый путешественникъ, то способный администраторъ, которому платили громадное содержаніе частныя акціонерныя общества, то сельскій хозяинъ, то юристъ. Въ послѣднее время онъ преимущественно занимался экономическими вопросами государства, но иногда поражалъ свѣдѣніями, въ которыхъ мы его вовсе не подозрѣвали. Такъ однажды не соглашался онъ съ нами о значеніи только-что вышедшаго романа Гончарова «Обломовъ», причемъ оказалось, что Фердинандъ Петровичъ читаетъ всѣ замѣчательныя беллетрическія сочиненія русской литературы.

Кромѣ двухъ сочиненій Фердинанда Петровича.—«Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири» и «Первый томъ Сборника свѣдѣній о Россіи», признанныхъ европейскими авторитетами какъ произведенія ученыя и художественныя, напечаталъ онъ нѣсколько брошюръ по разнымъ вопросамъ въ современныхъ періодическихъ журналахъ, но болѣе всего писалъ онъ не для печати. Мы достовѣрно знаемъ, что онъ велъ дневникъ и написалъ много мемуаровъ, давая себѣ отчетъ о современныхъ замѣчательныхъ событіяхъ и реформахъ; если дневникъ надолго или навсегда останется завѣтною собственностію семейства, то мемуары и записки составляютъ достояніе исторіи и могутъ появиться въ печати не въ далекомъ будущемъ.

Фердинандъ Петровичъ зналъ въ совершенствѣ всѣ изгибы русской рѣчи и отъ души любилъ русскаго человѣка.....

Но вѣдь были и недостатки у Фердинанда Петровича? спро-

сятъ насъ. Не стеоретишною фразою, что о мертвыхъ говорятъ или хорошее или ничего, а искренно и по убѣжденію отвѣтимъ мы: конечно были—онъ былъ человѣкъ; но мы, уважавшіе, почитавшіе и любившіе Фердинанда Петровича, не видѣли эти недостатки; мы были ослѣплены его свѣтлымъ умомъ, чистою душею и добрымъ сердцемъ, и въ нашей памяти онъ будетъ всегда жить какъ образецъ истинно гуманнаго человѣка, честнаго и доблестнаго гражданина и безукоризненнаго семьянина.

К. Н. Шварцъ.

2007099002